

М. Б. Попов

г. Санкт-Петербург, СПбГУ

НУЖЕН ЛИ МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ В ФОНОЛОГИИ? (К РЕВИЗИИ ОДНОГО ИЗ ПОЛОЖЕНИЙ ЩФС)

В докладе рассматривается проблема необходимости учета морфологической информации в процедурах фонологического анализа, прежде всего при решении важнейшей задачи, стоящей перед фонологом, а именно при определении состава фонем языка. Речь пойдет прежде всего о Щербовской (Петербургской, Ленинградской) фонологической школе, на позициях которой стоит автор доклада.

По отношению к использованию морфологической информации при установлении состава фонем языка Щербовская (ЩФС) и Московская (МФС) фонологические школы существенно отличаются от Пражской школы, основоположник которой Н. С. Трубецкой никогда не использовал информацию о морфемах в фонологическом анализе. В сформулированных им 7 «правилах определения однофонемности и многофонемности» (критерии сегментации речевого потока на фонемы) и 4 «правилах различения фонем и вариантов» (критерии парадигматической идентификации фонем) нет ни одного, опирающегося на критерий, связанный с членением на морфемы или чередованием в морфемах [1], так как для «пражцев» главной является различительная функция фонемы. ЩФС и МФС исходят из того, что главная функция фонемы – конститутивная, т.е. фонемы прежде всего выступают в качестве строительного материала для образования звуковых оболочек слов и морфем. Соответственно и определение состава фонем осуществляется с опорой на смысл, т.е. с учетом единиц вышестоящих уровней языка. Различительная же функция фонемы – вторична и трактуется в этих школах как естественное следствие выполнения ею конститутивной функции¹.

¹ Л. В. Щерба на первое место ставил конститутивную функцию фонемы, а на второе – различительную: «Фонемой называется кратчайшее общее фонетическое представление данного языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями (конститутивная функция – *М. П.*) и дифференцировать слова (различительная функция – *М. П.*) ...» [2, с. 14].

Разногласия между ЩФШ и МФШ касаются, прежде всего, вопроса о том, насколько фонологическая система и ее базовая единица – фонема – автономна по отношению к морфологической системе и морфеме в процессе ее функционирования в речевой деятельности. По общему признанию, МФШ является значительно более «морфологической», чем ЩФШ, а «московская» фонема находится с морфемой в более тесных отношениях, чем «петербургская». Не так хорошо известно (особенно за пределами ЩФШ), что в некоторых отношениях ЩФШ даже более последовательно, чем МФШ, использует морфологический критерий в процедурах установления состава фонем языка. Во избежание недоразумений следует, видимо, сразу уточнить, что имеется в виду не столько морфологическая информация в широком смысле слова, сколько информация о морфемах и морфемных границах, т.е. речь в дальнейшем пойдет скорее о «морфемном», или «морфематическом», а не о морфологическом критерии в фонологии, причем прежде всего в процедурах установления состава фонем.

Для установления состава фонем конкретного языка надо осуществить две процедуры: 1) сегментировать речевой поток на минимальные функциональные единицы – фонемы, другими словами – установить границы между фонемами, а попросту говоря, решить, когда перед нами реализация одной фонемы, а когда – двух и более; и затем 2) отождествить выделенные сегменты, т.е. установить, какие из них относятся к одной фонеме, в результате чего и устанавливается состав фонем данного языка. Задача установления состава фонем – не формально-логическая, а – в конечном счете – экспериментально-фонетическая: при ее решении лингвист работает не столько с речевым потоком, который порожден носителем языка, сколько с информантом. Однако критерии окончательных решений и последовательность их применения должны быть обоснованы теоретически, хотя практически они используются обычно только в спорных случаях состава фонем.

Принципы установления состава фонем языка, разработанные ЩФШ, наиболее полно сформулированы в [3; 4]. Фонологическая сегментация речевого потока (= синтагматическая идентификация фонем) определяется членением на морфемы, причем граница морфем не может проходить внутри фонемы: если внутри звукового отрезка проходит морфемная граница, то внутри него проходит и фонемная граница, причем аналогичный звуковой комплекс, не рассекаемый морфемным швом, в соответствии с принципом аналогии¹ также членится на две фонемы. Так, ['da] в *вода* разбивается морфемной границей, а значит, является бифонемным сочетанием /da/, как и аналогичный звуковой отрезок в слове *да*, хотя внутри него морфемная граница не проходит. И наоборот, звуковой сегмент ['ʔa] (ср. ['ʔat] *ад*), имеющий в анлауте глоттальный взрывной элемент ([ʔ]), что характерно для русской

¹ Принцип аналогии вытекает из фундаментального положения ЩФШ: фонетическое различие – необходимое условие различия фонологического, поэтому одинаковые (для языкового сознания носителя языка) звуковые комплексы фонологически трактуются одинаково. Применение принципа аналогии в ЩФШ решительно противопоставляет ее МФШ.

речи в начале синтагмы (а факультативно и на стыках слов после гласного внутри синтагмы, ср. ['ʔetə 'ʔat] *это ад*), представляет собой одну фонему – /a/, поскольку в русском языке между [ʔ] и следующим гласным элементом никогда не проходит морфемная граница.

ЩФШ опирается на морфему и при парадигматической идентификации фонемы: два монофонемных звуковых сегмента являются аллофонами одной фонемы, если они чередуются в одной морфеме и находятся в дополнительном распределении. Например, в ауслaute словоформы *кот* имеет конечнослоговой аллофон [t], который артикуляторно и акустически весьма сильно отличается от начальнослогового [t] в словоформе *кота́*, а также от лабиализованного начальнослогового аллофона [t^w] в слове словоформах *коту́* и *котом*, но, тем не менее, все три аллофона являются реализациями одной фонемы /t/, поскольку чередуются в одной морфеме и находятся в дополнительной дистрибуции, то есть не противопоставлены друг другу в одинаковых фонетических условиях. Те же самые звуки, представленные, например, в словоформах *там*, *тур*, *том*, в «нечередующихся» контекстах (т.е. не вступающие в чередования), также являются реализациями фонемы /t/ – в соответствии с уже отмеченным принципом аналогии. Два звука, находящиеся в дополнительной дистрибуции (например, рус. [á] и [·ú·] или рус. [t] и [s^w]), не могут считаться аллофонами одной фонемы, если они в данном языке никогда не чередуются в морфеме.

Итак, ЩФШ в ее современном варианте исходит из того, что синтагматическая и парадигматическая идентификация фонемы определяются *потенциальной* связью фонемы с морфемой, и является фонологической школой, которая при установлении состава фонем наиболее последовательно опирается на морфологический, точнее «морфематический», критерий. В контексте теории ЩФШ, как, впрочем, и МФШ, этот критерий рассматривается как подлинно функциональный.

Вместе с тем подход ЩФШ к решению указанных задач, который уже можно считать традиционным, сталкивается с трудностями, как практическими, так и теоретическими. В некоторых случаях последовательное применение критериев ЩФШ приводит или должно приводить к результатам, явно противоречащим интуиции носителя языка, что не соответствует духу ЩФШ.

Представляется, что более адекватному решению проблем установления состава фонем будет способствовать подход, который исходит из положения, что фонема является строительным материалом для образования звуковых оболочек не морфем, а словоформ. Это приведет к корректировке критериев, используемых ЩФШ при синтагматической и парадигматической идентификации фонемы. Сохраняя общий принцип опоры на смысл в процедурах идентификации, такой подход позволил бы перенести акцент с морфемной границы на границу между словоформами (при фонологической сегментации) и с чередования в морфеме на чередование в словоформе (при парадигматическом отождествлении фонем). Освобождение от излишнего «морфематизма», свойственного современной концепции ЩФШ при моделировании

состава фонем конкретного языка, позволяет привести ее фонологические решения в большее соответствие с речевым поведением и интуицией носителя языка.

Таким образом, при установлении состава фонем предлагается опираться на следующие критерии [5].

При **синтагматической идентификации** фактором, обуславливающим сегментацию речевого потока на фонемы, является межсловная граница: если звуковая последовательность разделяется межсловной границей, она членится и фонологически, т.е. представляет собой бифонемное сочетание. Из этого положения вытекают два следствия: 1) стык слов не может проходить внутри фонемы; 2) морфемная граница может проходить внутри фонемы. При этом стык слова является функциональной, т.е. фонологической, но не обязательно физической реальностью.

При **парадигматической идентификации** критерием, определяющим принадлежность двух аллофонов одной фонеме, является следующий: два аллофона представляют собой реализации одной фонемы, если они могут чередоваться в составе одной *словоформы* и находятся при этом в дополнительной дистрибуции. При этом особую роль играют стыки слов. Конечнослоговой [t^h] и начальнослоговой [t] фонологически идентифицируются, потому что они, находясь в дополнительной дистрибуции, могут чередоваться в одной и той же словоформе: в словоформе И. ед. *рад* [t^h] регулярно чередуется с [t] (*ра̣д* || *ра̣д* *Антону*). В то же время [d] и [t^h] никогда не чередуются в составе словоформы, но только в морфеме: ср. чередование разных фонем /t/ || /d/ (*ра̣д* || *ра̣да*).

То, что фонема в русском языке соотносится не с морфемой, а со словом и конституирует десигнаторы не морфем, а словоформ, может быть обосновано с типологической, психолингвистической и диахронической точек зрения. В принципе слово и морфеме можно выделить в языках любого грамматического строя, однако соотношение этих двух единиц и их роль в языковой системе будут различны. В любом языке слово является основной единицей речевой деятельности, следовательно, единицей *функциональной*. Во флективных языках, в частности в русском, слово состоит из морфем, которые вне слов не функционируют, причем слово не равно сумме составляющих его морфем ни в плане выражения, ни в плане содержания. Таким образом, слово противопоставлено здесь морфеме *субстанционально*. Соответственно во флективных языках повышается роль слова как центральной и организующей единицы.

Этот вывод служит отправной точкой для выработки критериев и методов фонологического анализа. Представляется, что в изолирующих языках единицы звукового уровня (в слоговых языках – слоги) действительно соотносятся в первую очередь с морфемами, но тем самым и со словами, которые отличаются от морфем лишь функционально. Что касается языков иного грамматического строя, прежде всего флективных, то в них, по-видимому, фонема соотносится с планом выражения слов. Последнее положение под-

тверждается данными психолингвистических экспериментов на материале русского языка, свидетельствующих о том, что морфемы, составляющие основу слова, не играют существенной роли при нормальных процессах порождения и восприятия слов, уже существующих в языке. Производные слова во флективных языках воспроизводятся в речи целиком, а не по составляющим их морфемам, что подтверждается наличием действующей во флективных языках тенденции к стиранию морфемных границ. Во флективных языках морфема, являющаяся частью основы, может служить для создания новых лексических единиц, однако новое слово возникает не только как результат присоединения аффикса к производящей основе, но определяется самыми разнообразными словообразовательными аналогиями. При этом звуковые комплексы, выступающие в роли словообразовательных аффиксов, могут не совпадать не только с этимологически выделяемыми аффиксами, но и вообще с морфемами, которые выявляются на синхронном уровне. Тем самым слово, являясь основной единицей в динамических деривационных процессах, выступает в таких типичных флективных языках, как русский, в качестве базовой единицы лексикона.

Связь *фонема – слово* обнаруживается и в диахронической фонологии. Звуковые изменения действуют или по крайней мере начинают действовать, как правило, на уровне словоформы. Связь же *фонема – морфема* обычно усматривается на заключительном этапе фонологического изменения, когда собственно фонемное (парадигматическое) преобразование завершилось, т.е. на таком этапе, когда происходят процессы, традиционно называемые выравниваниями по аналогии: фонетическое изменение «переходит» с уровня словоформы на уровень морфемы. Однако и здесь морфемный уровень в процессе фонетического изменения соотносится с фонемным через слово как парадигму словоформ. При этом изменение, утрачивая связь со словоформой, перестает быть собственно фонологическим: оно становится морфонологическим.

Итак, ответ на вынесенный в заглавие данной статьи вопрос «Нужен ли морфологический критерий в фонологии?» будет отрицательным, по крайней мере, когда речь идет о процедурах и критериях установления состава фонем языка, и если понимать «морфологический» критерий в более узком смысле как «морфемный» (или «морфематический»). При этом, разумеется, речь не идет об исключении функционального критерия из фонологических процедур. Функциональный критерий остается, но акцент переносится с морфемы на слово (словоформу). Предлагаемый же отказ от «морфематизма» в фонологическом анализе представляется мне в некотором отношении возвращением к истокам школы, к идеям, заложенным в работах ее основоположника Л. В. Щербы [2; 6].

Сам этот «морфематизм» не привнесен в ЩФШ извне (например, из МФШ), а имеет объективный характер. Фонология возникала прежде всего как *фонология слова*, поэтому было естественным на первом этапе фонологического анализа опираться на границы, существующие внутри слова, т.е. морфемные. Однако представляется, что фонология *слова* должна руковод-

ствоваться не морфемными, а *межсловными* границами. Соответственно по-
лем приложения фонологических процедур оказывается не словоформа,
а синтагма. Для Щербы живой речевой единицей была именно синтагма,
которую он, как известно, понимал как «фонетическое единство, выражаю-
щее единое смысловое представление в процессе речи-мысли» [6, с. 86–87],
а слово – как своего рода предел свертывания синтагмы, т.е. слово для Щер-
бы это «синтагма, включенная в систему языка».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Трубецкой, Н. С.* Основы фонологии / Н. С. Трубецкой; пер. с нем. А. А. Холодовича; ред. С. Д. Кацнельсона; послесл. А. А. Реформатского. – 2-е изд. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 351 с.
2. *Щерба Л. В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении / Л. В. Щерба. – СПб., 1912. – 155 с.
3. *Зиндер, Л. Р.* Общая фонетика: учеб. пособие / Л. Р. Зиндер. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1979. – 312 с.
4. *Касевич, В. Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания / В. Б. Касевич. – М.: Наука, 1983. – 295 с.
5. *Попов М. Б.* Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка / М. Б. Попов; филолог. ф-т СПбГУ. – СПб., 2004. – 346 с.
6. *Щерба Л. В.* Фонетика французского языка / Л. В. Щерба. – 7-е изд. – М.: Высш. шк., 1963. – 309 с.